4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 39 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
ОКТЯБРЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

ХУЛИГАН

Рис. и стихи А. Радакова

Советская общественность должна объединенным фронтом дать решительный отпор хулиганству. *Из газет.*

По вечерам огромный силуэт
Вздымается над северной столицей,
И в страхе все бежит покорной вереницей,
И хриплый голос им кричит во-след.

Насилье женщине, слабейшему удар,
Столнце Октября позор и оскорбленье!
Притонов жутких гнусное творенье
Над городом встает, как тягостный кошмар!

Махровой беленой разросся жалкий шкет.
Отравлен воздух винным перегаром.
На гнусность, на позор—один ответ:
Под корень, топором—одним ударом!

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Рис. В. Лебедева

— Я, знаете ли, отрицательно отношусь к снижению...
— Цен?
— Нет командировочных...

ЧЕЛОВЕК ВО ВТОРОМ РЯДУ

«Нечего звонить в колокола по поводу избрания Польши в Лигу наций—Польша отнюдь не очутилась на седьмом небе, а лишь добилась одного из девяти мест в **креслах второго ряда**».

Из польской прессы.

— Матка Бозка! Боже правый!!
После дьявольских трудов,
Зрит пан Юзеф из Варшавы
Шесть упитанных задов.

Шесть затылков, гладких, бритых,
Шесть портфелей на виду,
Шесть хозяев именитых
В первом, литерном ряду.

...„Эх суконце же на фраке
„У мосье Пуанкарэ!..
„На затылке пудры знаки
„И от лысины—амбрэ“...

...„Вот-бы мне такую спину...
„Ну ж и барин—Чемберлен:
„Чмок—в плечо, а он—полтину,—
„Что ты? Что ты? Встань с колен!..“

...„У японца дрянь—фрачишко,
„На чаек и не проси—
„Подаешь ему пальтишко,
„Ну а он тебе—мерси!..“

...„На обед—язык павлиний,
„Суп из крабьего хвоста...
„Молодчина Муссолини:
„Не затылок—кра-со-та!!»

.. „Вот сиди и поражайся—
„До чего бельгийцам прет:—
„Хочешь—в Штатах одолжайся,
„Хочешь Лондон в оборот!..

...„Сукин сын?! На первом месте!
„Штреземан-то.. Штреземан?!
„Без штанов гуляли вместе,
„А теперь—держи карман!

„Во дворце да с господами,
„До чего жизнь хороша?!“
. . . .
За вельможными задами
Бьется панская душа..

Шесть хозяев скалят зубы
В предвкушеньи новых драк...
Пан Пилсудский вытер губы
И лизнул английский фрак.

Александр Флит

ЭМИГРАНТСКОЕ

— А теперь уже и сами белогвардейцы не верят сообщениям о восстаниях у нас.

— Еще бы! Они поняли, что эти сообщения шиты *белыми* нитками.

ПРИЧИНА ПРИЧИН

— Что это Анатолий Петрович всю жизнь работал в разных торговых учреждениях а на старости лет вдруг пошел на молочную ферму?

— Привычка, знаете! Он всегда смотрел на все учреждения, как на дойную корову!

ЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

— Скажите, по какой причине вы попали под суд?

— Помилуйте-с! Причин никаких не было; одно *следствие* тому виной!

БОРЬБА ДО КОНЦА

(Посвящается Саратовским горбойням, а почему—сами догадаются).

— Товарищи! С чем и поздравляю—казначей-то наш, а? Союзные деньги спер! Факт на лицо. Первое дело—в кассе ни хрена моченого. И, кроме всего, говорит—„обронил“!

— Так! Дождались!

— Братцы! Как же теперь?

— Известно, как: под суд его, прохвоста!

— Правильно! А до суда пущай посидит. Звонить в ГПУ надо, чтоб немедленно его с корнем вырвали!.. Самосеков, беги к телефону!

— Стой! А где он, жулик, сейчас? Не убёг бы, пока мы тревогу подымем...

— Ерошкин, Луковиченко! Взять его и заключить под стражу.

— Правильно! Они, жулики, моментально смываются. Потом ищи-свищи!..

— И, товарищи, вношу внеочередное: как именно этого гада из союза долой! Прошу внесть у протокол единогласно.

— Правильно! Бери бумагу, пиши! «Слушали... постановили».

* * *

— Скажи, какая история! А много-ль денег растратил?

— Сто восемь рублей пять копеек.

— Н-да-а... И кто бы мог от его ждать! Парень-то больно хороший...

— Парень, действительно, самолучший. Кабы не растрата...

— В протокол, товарищи, внесено... Разрешите зачитать. „**Слушали**: о растрате казначеем Брюковым союзных денег в размере ста восьми рублей и пяти копеек. **Постановили**: считая необходимым довести до конца борьбу с растущими растратами, исключить т. Брюкова из союза, а также передать дело властям“. Возражений нет?

— Что-ж возражать? Правильно. Только надо бы его опросить, Брюкова. Парень больно хороший...

— Действительно. Вот именно: опросить и допросить: куда-ж он деньги девал?

— Може, он и вернет? Запросить, конечно, и допросить. Марафеев, беги к Ерошкину и Луковиченко—пущай ведут жулика сюда.

* * *

— Как же это ты, Иван Егорыч? А? Как же ты наши деньги тово.. обронил?

— Чорт попутал, вот и... обронил... Простите, товарищи... В другой раз не буду...

— Н-да... История, чтоб ей! Парень-то больно хороший...

— А може ты, Иван Егорыч, не все деньги обронил?

— Все... В чистую!..

— Да ты погляди. Где у тебя кошелек? Дай-ка, посмотрим.

— Так и есть, товарищи. Не все. Десять копеек из союзных денег оставшись, на лицо. Вот они! Остальные сто семь рублей девяносто пять копеек не имеется.

— Внести надо, Иван Егорыч. Парень ты больно...

— Товарищи! Предлагаю таковые деньги погасить.

— Это верно, что погасить. А как?

— Товарищи! У нас на предприятии сто двадцать человек. Ежели каждый внесет по рублю, добровольно...

— Правильно! Лист подписной пустить и все! Парень-то больно хоро...

— Давай бумагу!

— Вот она, бумага.

— Да это ж протокол? Давай новый лист.

— Зачем новый? При режиме очень просто и на этом подписку устроить. На обороте пиши.

— Правильно! Подписывайся мельче—всем места хватит. Все подпишут, потому парень он больно...

* * *

— Товарищи! Все присутствующие подписались?

— Все. Окроме Самосекова. Он по телефону в ГПУ сообщает.

— Ерошкин! Луковиченко!! Марафеев!!! Бегите за Самосековым. Мол, не надо сообщать. А ежели поспел, прохвост, то пущай обратно звонит: мол, деньги налицо. И пущай моментально идет подписаться.

— Ну, вот и ладно! И конец!

Азиат

ЭКОНОМ-ГОЛОВОТЯПСТВО

В Кузнецке в целях режима экономии оставлен на весь город один почтовый ящик. В Балахнах, из тех же соображений, закрыта единственная в городе баня.

Из газет.

Экономии режим
Тут, друзья рабочие,
Самоглавное—нажим
И все такое прочее...
Взять хоть ящик... На него
(Подсчитал средь ночи я)
Капиталу вышло—во!
И все такое прочее...
Так что, этого-тово...
Вот вам полномочия,—
Снять их всех до одного
И все такое прочее...
Баня? К дьяволу! в расход!—
Глупость староотчая!
Только уголь даром жрет
И все такое прочее...
Центр поддержим, удружим,
Черепом ворочая—
Все подрежем под режим
И все такое прочее!

В. Князев.

ЗАПАРИЛИСЬ

«Скороход» и «Москож» ухитрились продать в деревню не мало браку: напр.—непарные сапоги.
«Гудок»

Рис. Н. Радлова

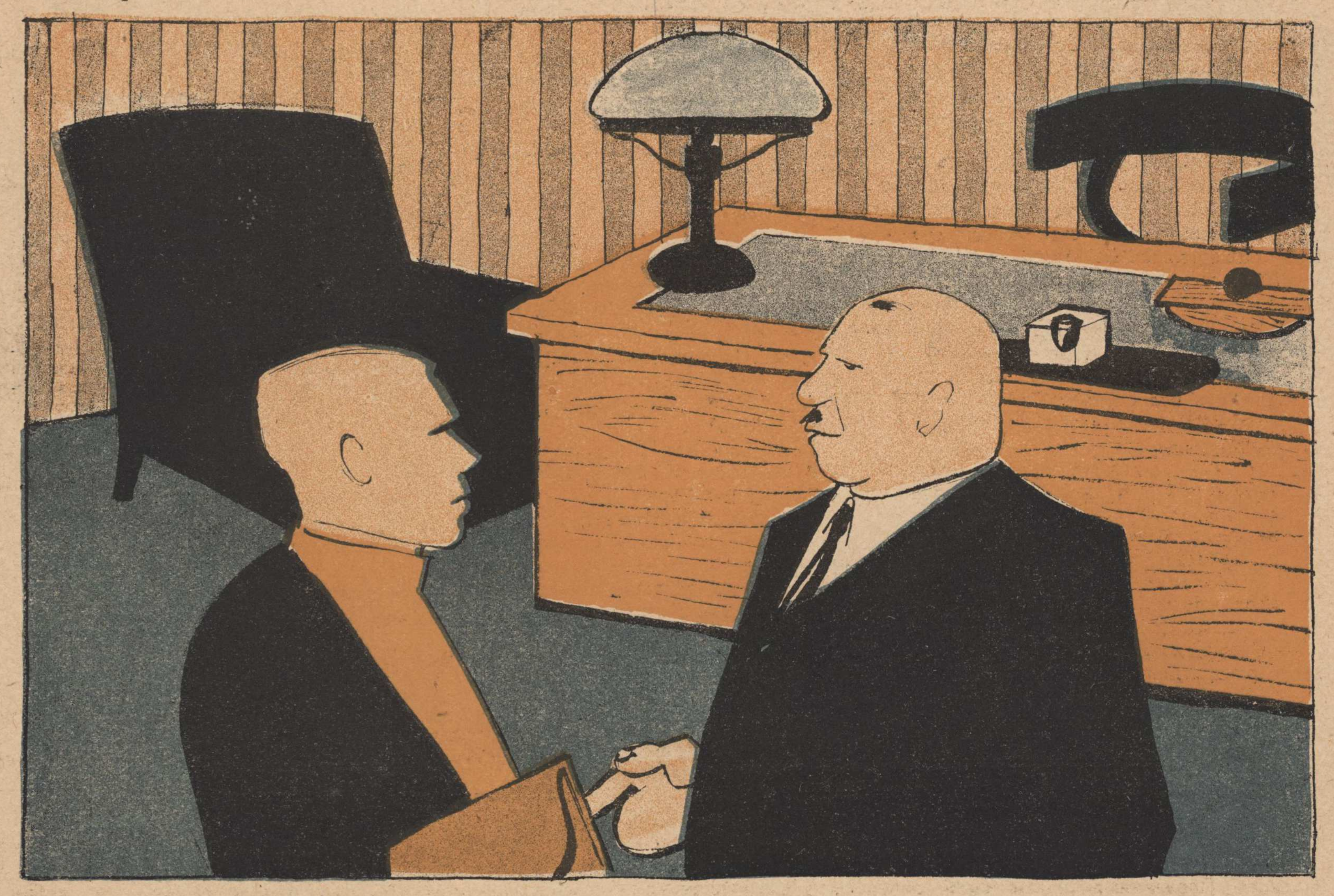
Два сапога не пара.

Два сапога пара.

ПУГАНАЯ ВОРОНА

Рис. Л. Бродаты

— Вот я купил тут себе обстановку для кабинета заготовьте сейчас на всякий случай опровержение в стенгазету!

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ПРОФЕССИЯ

Многие думают, что вором быть очень просто, легко и весело. Какое роковое заблуждение!

В Париже, вон, граф Конкрин, попавшийся на краже бриллиантов, признался:

— Нет, вором быть очень тяжело!

Несомненно. Графом быть куда легче.

Я знаю случай, когда один щупленький вор забрался ночью в квартиру циркового борца. Хозяин легко выжимал одной рукой 5 пудов и при этом только слегка краснел, — впрочем, может быть, оттого, что ему было стыдно,—как это он до сих пор не перешел еще на метрическую систему...

Вот, к этому человеку и забрался бедный вор, весивший всего - на-всего 3 п. 30 ф. Борец только потому не раздавил гостя между ладонями, что был очень ленив: ему не хотелось лишний раз мыть руки. Он ограничился тем, что выбросил вора из окна. А я только потому знаю, что несчастный не сломал себе ноги, что он очень уж быстро убежал... Но ведь кроме ног у воров бывают и руки, голова и еще много всякой всячины, которую лучше не разбивать...

Другого вора, когда он уже связал узлы с награбленным, заперли в квартире. Вернулась хозяйка и заперла его. Вор взмолился:

— Тетенька, отпусти меня! Слезно прошу тебя!

— Да! Ты меня обкрадываешь, а я тебя отпусти,—плакалась хозяйка с другой стороны двери.—Отпущу, а ты в другой раз придешь!

— Не приду я, тетенька!—молил вор.—Вот тебе честное мое гражданское слово! Отпусти только... У меня дома ребенок, кормить его надо!..

Хозяйка в тот период кормила грудью своего ребенка и вдобавок была так испугана и растеряна, что поняла вора по своему.

— Вот и врешь, — сказала она злорадно, торжествуя, что наконец-то уличила вора:—как же ты можешь кормить грудью ребенка, когда ты вовсе даже мужчина!

— Дура!—отвечал ей из-за двери повеселевший голос.—Дура! Неужто не знаешь, что мы, воры, ребенков кормим грудью, как и вы, бабы! На то мы и воры!

Хозяйка была обескуражена. Она этого не знала. Ей стало жалко воровского ребеночка, который, может быть, и правда, лежит теперь где-то там, в притоне воров, и скулит, бедненький, ожидая своего папу, который должен притти и накормить его грудью

— Ну, иди!—открыла она дверь.—Из-за дите только и выпускаю!

— Спасибо! — дружески закивал ей вор, стремглав улепетывая с лесницы: — Надо спешить, а то боюсь, как бы молоко не бросилось мне в голову!

Но самый отчаянный вор был мой знакомый, Алексей Данилович Сиролинов, счетовод.

Собственно, он не был вором по профессии, но в один прекрасный день решил, что довольно быть честным человеком, надо рискнуть и сразу разбогатеть. Тогда можно бросить службу, купить себе новые галоши и вообще немного пожуировать...

Жертвой он наметил своего знакомого владельца аптекарского магазина Самкаровича. Так он сразу попадал в цель, зная куда и на что идет.

И, вот, ночью он забрался в квартиру Самкаровича при помощи украденного заранее, во время одной вечеринки, ключа. Но ему сразу не повезло. Хозяин не спал, он сидел в столовой и считал деньги.

— А, Алексей Данилыч! — радостно приветствовал он вора. — Какими судьбами? Вот здорово, что надумали!

Бедняга Сиролинов так растерялся, что забормотал какую-то чепуху.

— Мне показалось, что сегодня день рожденья вашей жены, — нес он свою чепуху,— шел мимо, дай, думаю, заверну, поздравить уважаемую Софью Семеновну!

— Что вы, да она в мае!—захохотал Самкарович.—Но тем лучше. Присаживайтесь. А я вот деньги считаю.

Сиролинов машинально сел. Но, услышав про деньги, вспомнил, что он вор, и, ущипнув себя для храбрости в икру, вытащил старинный пистолет.

— Давайте деньги!!—прохрипел он, вращая от ужаса глазами.

Хозяин схватил его за пистолет:

— Ну, и что за отчаяние? Неужели же так туго пришлось? Господи! Да вот вам 50 рублей Сейчас в клубе выиграл около трех сотен, охотно одолжу приятелю. Ну, вот еще червячек, сделайте одолжение, мне не жалко! А застрелиться из пистолета вы всегда успеете!

Сиролинов, как во сне, спрятал шесть червонцев, потом револьвер и завял. Потом, сделав над собой нечеловеческое усилие, он попытался в последний раз стать вором. Скривив в отчаянии лицо и глядя в сторону, прошипел:

— Ну... давай пальто!!

— Хи-хи-хи,—вдруг залился хозяин и сильно ударил Сиролинова по коленке, — так, что тот испугался даже — не выстрелил бы пистолет.— Хи-хи-хи... Чудак! Хи-хи... Он—того, под шафе, как говорится, а я-то!.. Ну, да ладно, все устроим! Знаю, сам бывал в таком положении... А пальтишко дам, отчего-же,—завтра, ведь, пришлете. А то, верно, вечера-то нынче—ой какие холодные, не дай бог!

Сиролинова напоили сельтерской, заставили нюхать нашатырный спирт и потом, напялив на него узкое, чужое демисезонное пальто, бережно проводили до извозчика.

— Ну, спасибо, — говорил он, совсем обмякнув,—спасибо вам! Век не забуду вашей ласки!

И крепко жал руку своей жертве.

С горя, от отчаяния и злости, он поехал в клуб и там пропил и проиграл все 6 червонцев. А потом долго ворочался у себя в постели и ругал себя «слизняком»...

И теперь каждый месяц бедняга откладывает из своего скромного жалованья по 10 рублей и отвозит их Самкаровичу,—выплачивает долг. И при этом ненавидит сам себя остро и безнадежно..

Нет, что касается меня, то я никогда не буду вором. Я предпочитаю быть даже юмористом

Э. Гард.

ЗА ЖАБРЫ

Утром был расклеен свежий номер стенгазеты „За жабры“. Конторщик Жмых и машинистка Шнапке с упоением читали стишки, помещенные в нижнем правом углу в черной рамке:

„Еще вчера писались планы командировок в теплый Крым, но циркуляр один нежданный развеял все мечты, как дым.. О, плачьте, завы и начканцы! Уже не ездить вам туда, где расцветают померанцы за счет народного труда! Да, никогда!“

— Прррравильно! — сказал Жмых, потирая руки. — Это не стихи, а бомба! Это их взорвет!

— Давно следовало! — подтвердила Шнапке.—Без всякого стыда изобретали себе разные команди...

Тут она заметила в коридоре коммерческого директора Пузикова, поперхнулась и испуганно заковыляла в свой отдел.

— Слышал или не слышал?—гвоздило у нее в голове.

Пузиков слышал, но в восторг от стишков, подобно Жмыху, не пришел.

— „Туда“ — „никогда“... Паршивая рифма, правда?

Секретарь Хряпаченко немедленно согласился, что паршивая.

— И по существу тоже вздор, мой милый! Почему „никогда“? Что значит „никогда“, если перед нами живое дело, которое требует? Позовите Чушкина и Пуця, мы устроим маленькое совещание.

Управдел Чушкин и главбух Пуць пришли грустные.

— Вот тебе и Крым! — вздохнул Пуць. — Прямо не дают работать. Читали стишки?

— Ну, стишки! Одни корявые рифмы. А сам циркуляр вовсе не такой ужасный. Что запрещено? Командировки и поездки, „не вызываемые необходимостью“. Так?

— До сих пор...

— Позвольте, Чушкин! До сих пор не было правильного подхода. А вся суть в подходе. Первой и единственной основой для нас должны быть интересы „Главпузыря“. И если я через две недели отправлюсь в Кисловодск...

— Как? После циркуляра?

— ... так неужто ж я туда шашлык есть поеду? В „Нарзане“ купаться или с дамочками флиртовать? Ничего подобного! Производство „Главпузыря“ нуждается в улучшениях. Борьба за качество — в порядке дня. Что если применить у нас те принципы, по которым образуются пузырьки в „Нарзане“?

— Ух!—воскликнул Чушкин и хлопнул себя по лбу. — Вот это идея!

— Необходимо всесторонне изучить эти принципы на месте.

— И учесть!—многозначительно прибавил Пуць.

— Да, и учесть, что потребует и присутствия главбуха. Это само собой разумеется.

— Позвольте, а я?—спросил Чушкин уныло. — Мне что же? Тут корпеть всю осень в каком-нибудь собачьем Мартышкине?

— Чепуха! Придумайте и вы что-нибудь „необходимое“ для дела. Пораскинете мозгами и найдете. Я мешать не буду. Всякий циркуляр—умеючи—можно взять за жабры. А пока... Да! Пока не надо забывать и о режиме экономии! У нас все еще много дармоедов. Я думаю, мы бы с успехом могли сократить машинистку Шнапке и конторщика Жмыха.

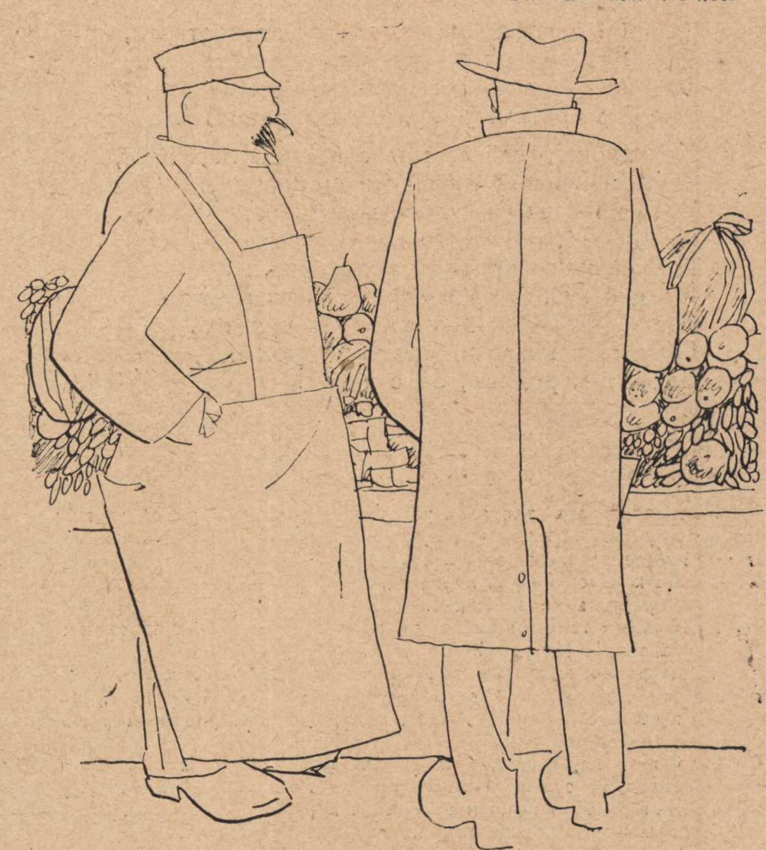
— Жмыха?—удивился Чушкин. — Такого работягу?

— Такого лодыря, вы хотите сказать? В служебное время чтением стишков занимается. Час тому назад я сам поймал его за этим. Да наверно — мерзавец — сам и сочиняет их! Такая наглая трата минут, оплаченных трудовым народом! Нет, нет, за жабры—и никаких разговоров! У нас, гражданин Жмых, производственный комбинат „Главпузырь“, а не студия непризнанных поэтов!

Скиталец

ЖИТЕЙСКАЯ АРИФМЕТИКА

Рис. Б. Антоновского

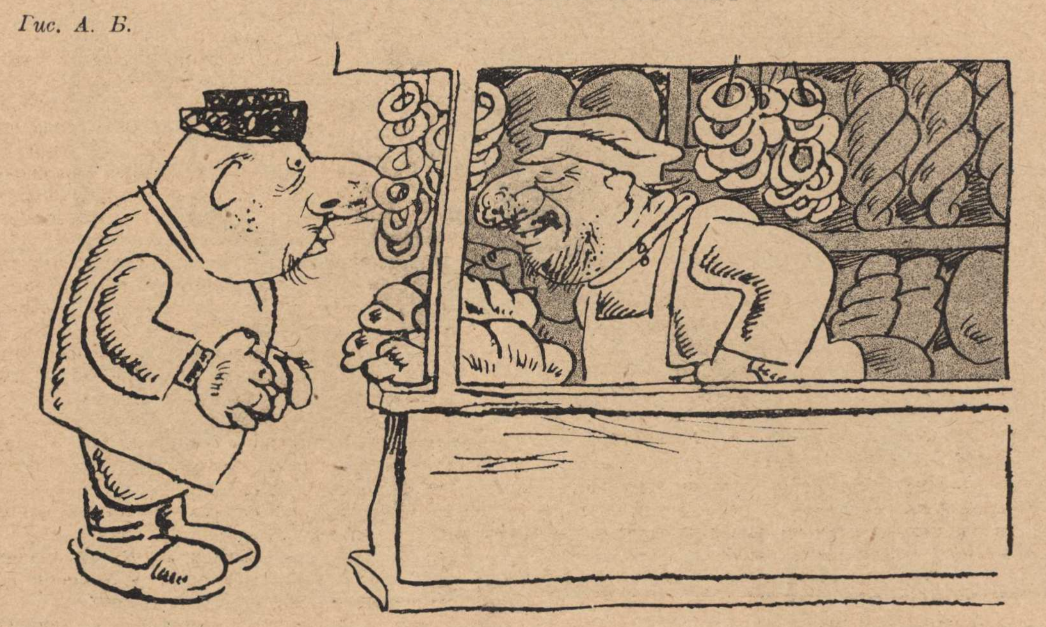

— Что-же это у вас фрукты вдвое дороже, чем в соседнем кооперативе?

— Не извольте беспокоиться: я вам отвешу ровно половину.

БАРАН И БАРАНКИ

Рис. А. Б.

— Дорого просите: товар-то у вас дырявый!

ОТОПИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(К сезону)

1.

И насквозь прожженный парень может замерзнуть.

2.

Беспатентные торговки утверждают, что и на морозе можно жарить во все лопатки.

3.

Даже в нетопленном игорном клубе можно прогореть до тла.

4.

И при испорченном паровом отоплении можно чужими руками жар загребать.

5.

И в холодном помещении работа может кипеть.

6.

Странно: увидишь ночью в переулке теплых ребят, а мороз подирает по коже.

А. Н—тов.

ГЕРОЙ

— Я никогда не увлекался тиром,—
Кровавых дел, простите, я не спец
(Я в годы бурь спасался по сортирам,
Куда почти не залетал свинец).
И двадцать лет пробегав дезертиром,
Теперь в тираж я вышел наконец!..

Как хорошо сейчас мне с Марьей Львовной,
Исправно лепту внесши в Доброхим,
Во всех боях участвовать духовно,
На поле брани место дав другим.
Пускай паны куражатся у Ковно,
Но дух мой бодр и сердце бьется ровно
(Что-б ни случилось. выйду я сухим)...
Смеюсь в глаза и бриттам и полякам,
Ведь мне, родные, 38 с гаком!

Альми.

НА ВОЛЮ

Митька Сухарь топтался у тротуара в самой людной части улицы, поставив у ног большую узкую клетку, в которой было напихано штук 15 полудохлых, взъерошенных и мокрых птичек, отнюдь не замечательных какой-нибудь породой...

Так, простенькие пичужки...

Надрывным голосом он вопил, привлекая внимание прохожих:

— На волю!.. На волю!.. По десять копеек любую выпускаю на волю!

Толпа равнодушно плыла мимо, не испытывая сострадания к пернатым узникам, посаженным в клетку тем же Митькой Сухарем, который, ежась от легкого осеннего холода, хотел поспекулировать на гражданских чувствах членов МОПР'а.

Было ветрено, и солнце играло в прятки, то скрываясь за тяжелые серые облака, то озаряя широкий проспект миллионом радостных улыбок. Свежий ветер колол лицо и забирался в рукава и за ворот.

Подпрыгивая, Митька вопил:

— На волю!.. На волю!.. По гривеннику воля для любой птички!..

Поэт Фантастов мрачно волочил ноги из двенадцатой редакции, где он тщетно пытался перехватить аванс. Режим экономии так сэкономил деньги издательств, что на долю поэта не осталось ни гроша. Услышав крик Митьки, он остановился, сунул руку в карман. Там болталось шесть копеек. На трамвай не хватит, а что с ними сделаешь?..

— А шесть копеек хватит тебе за свободу птице?

— Не-е, за шесть копеек и жука не пущу на волю.

— Чудак, да тебе что? Небось ловил бесплатно, сажал даром...

— Фью.. — свистнул Митька. — А вы бы сами за ей погонялись!.. Птица—зверь хитрый, сразу ее не пымаешь.. Прокорм тоже чего-нибудь стоит... Прибавьте, гражданин, не скупитесь..

— Чудак, да если у меня всего только шесть копеек, а воля дороже всего... Не мне, так птице...

— Никак невозможно за эту сумму волю дать.

— Ну, как хочешь.

И Фантастов пошел дальше.

— Послушайте, гражданин, хотите за восемь копеек освобожу вот этого зяблика, он маленький и ест мало?!

— Да нет у меня восьми копеек,—буркнул поэт и потащился домой.

Матвей Александрович Пломбов радостно покачивался в своем новом пальто, семеня длинноносыми желтымм джимми около высоких стройных шелковых чулок и лакированных туфель Веры Ефимовны. Заглядывая ей в глаза, он сыпал мелким горошком слов:

— Вы понимаете, когда сделаешь такое хорошее дело, так хочется и отдохнуть, немного погулять, дать, так сказать, страстям волю...

— На волю!.. На волю!.. По гривеннику на волю!—вопил Митька.

— Вы слышите? Кого это на волю за гривенник отпускают?—спросила Вера Ефимовна.

— Ах, какая может быть воля за десять копеек?! Вы послушайте, что я вам предлагаю...

И счастливая пара поплыла дальше, впитывая радость и солнце.

Крик Митьки остановил и Вампирова, фининспектора 305-го участка. Размахивая портфелем, в спешном беге, он подскочил к Митьке и бросил:

— Птиц отпускаешь по гривеннику... Без обложения на сверхприбыль...

— Какую, гражданин, прикажете выпустить? — И Митька потянулся уже к клетке озябшей рукой, готовый открыть дверку.

— Нет, для меня никакой не выпускай. Ничего не дам...—И Вампиров помчался, гонимый тысячью описей по участку.

— Ты, милый, это птичками торгуешь?—остановилась перед Митькой старушка Хлебоквасова, прижимавшая пустую корзинку к старому выцветшему и ошарпанному салопу. Она шла из Допра, куда носила передачу сыну.

— Все одно, бабушка, не купишь, иди себе!—резко крикнул Митька, оценив подошедшую взглядом. — Не по тебе товар! По гривеннику! По гривеннику любую птичку!—завопил он вновь.

Старушка отошла, бормоча:

— На волю... по гривеннику... Ишь ты...

Твердой, уверенной походкой, закинув голову, подходил милиционер. Митька схватил свою клетку и метнулся прочь. В панике он налетел на высокого здоровенного мужика, несшего на спине ящик с ломовой подводы. Кубарем покатился Митька от толчка. Клетка выпала из рук с открытой дверкой, и птицы, одна за другой, повыпархивали из нее, разлетевшись во всех направлениях с насмешливым свистом. Щуплые, вз'ерошенные и грустные в клетке, они вдруг стали настоящими пернатыми умеющими распоряжаться собой на воле.

Поврежденная клетка валялась на земле. Митька вытирал рукавом разбитый нос и с отчаянием смотрел, как без выкупа и помощи членов МОПР'а крутились вдали, в лучах проглянувшего солнца, его маленькие жертвы.

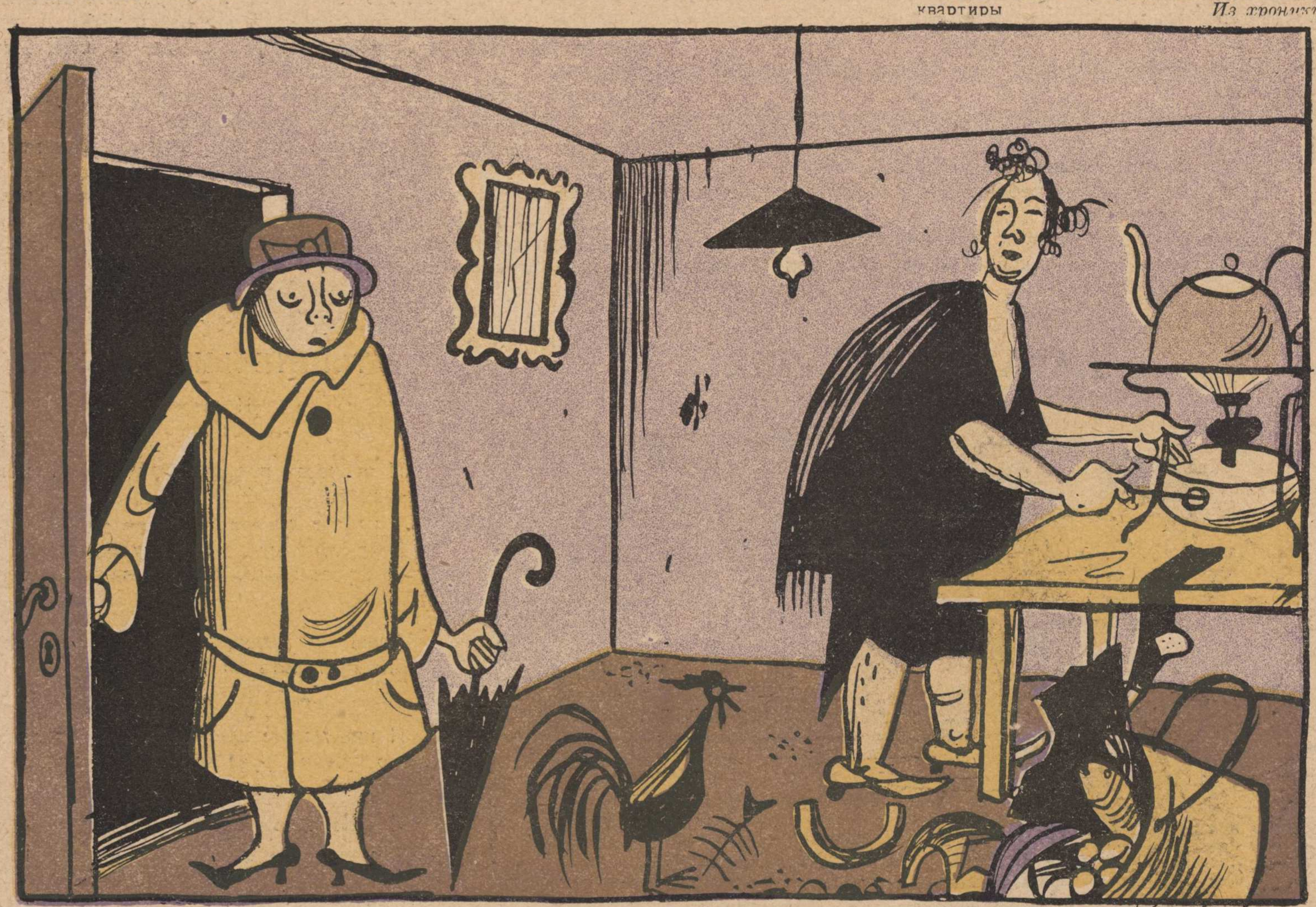
Гюинплэн

Рис. Б. Малаховского

ЗАКОННИЦА

Будут взяты на учет все антисанитарные квартиры

Из хроники.

— Ой, как грязно у вас! Вы бы хоть прибрали немножко!
— Нельзя, милая! Квартирка моя, как антисанитарная, на учет взята!

ИНИЦИАТИВА

Почти все опрошенные торги (около $^3/_4$ всей сети местной госторговли) не снизили розничных цен в требуемых размерах, не выполнили задания к сроку, а некоторые из них ответили на него даже повышением накидок и цен.

Из газет.

— Задание? Что такое задание? Да любой школьник выполняет задание: «о. с. п.»—«д. с. п-», то-есть, от сих пор—до сих пор.

А вы тычете все: «задание, задание!»

Школьник и задачу решит: сколько воды вливается из этой трубы да выливается из той, да кому от этого выливания—вливания польза, да какая... Скажет и о поезде, пробирающемся неизвестно для чего из точки А в точку Б; и птичку бывшую божью на зубок вызудит; и не только назовет всех беговых лошадок, на которых его папашенька неудачно ставил, а и назовет по имени и скакуна Александра Македонского!.

Задание, дортоварищи и милграждане,—как видите—дело пустяковое.

Скомандуйте:

— «Снизить цены!»

И всякий дурак, умеющий подчиняться, не должен даже шевелить мозгами, что ему, конечно, и на руку: от шевеливания дурацкими мозгами ничего путного не выходит.

Ну, и зачеркнет он старые цены, напишет сниженные — только и делов! Не хитро, а?

Скомандуйте:

— «К такому-то сроку!»

Ну, и к сроку сможет: долго-ли переписать? Химкарандаш не оправдательный документ. Химкарандаш, а то и «вечное перо», у каждого зава всегда под рукой.

А вот инициативу проявить — это тебе не задание!

Когда по всему фронту клич:

— «Снизить цены!» —

уметь их повысить—это номер, это незаурядное явление, это гала—торг!!

В момент снижения цен такое повышение цен оценить надо!

И такое повышение не к сроку, а до него!

А почему?

Инициатива! Размах!! Ум!!!

Винова-ат, кто это крикнул:

— «Инициатива срыва единого фронта госторговой политики! И вовсе не ум, а совсем наоборот!..» Кто это крикнул?!

. . . .

— Я!

— Вы?! Вы за это ответите!.. Подпишитесь вы под своими словами?

— Подписываюсь! На-те:

Исидор Гуревич

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Ну, как живете?

— Да как бы вам сказать... Одним хлебом перебиваюсь.

— Бедствуете?

— Да уж конечно, времена не те..

— И давно вы в таком положении?

— Четвертый год пошел.

— И все в нужде?

— Не в нужде, а в «Хлебопродукте», агентом по закупке работаю...

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Рис. Л. Бродаты

— Как вам нравится море?

Командированный: — Э! Что море! Третьи сутки еду — и ни одного извозчика не могу поставить в счет!

СГОВОРЧИВЫЙ НАРОД

Рис. И. Каликина

— И с хулиганом можно договориться. К примеру, вчера сказал я хулигану: „Свороти на сторону!“ Вот видишь — он и своротил...

Итак, на чем, бишь, мы остановились в прошлом номере?

Ах, да! На Пушкине.

Мы привели очень меткие стишки этого популярного поэта.

Стишки насчет осени. Уведомление, что, мол,—„октябрь уж наступил“...

Впрочем, не будем повторяться. Ближе к делу.

А дело, дорогие читатели, касается прежде всего ваших кровных интересов. Поэтому читайте внимательно, не пропустите ни одного слова из того, что мы сейчас вам скажем.

Речь идет о приложении к нашему журналу для годовых подписчиков в 1927-м году,

Прежде всего, осветим вопрос—что такое приложение?

Приложение, дорогие читатели, это именно то самое, что прилагается к журналу.

Например: к журналу прилагаются все наши силы.

Но, дорогие читатели, мы не об этом собираемся вам объявить.

В конце концов, это ж наш прямой долг—прилагать к журналу все свои силы.

Итак, в 1927-м подписном году, кроме упомянутых сил, каждый годовой подписчик получит...

Ну, вот видите сами: вот опять не поспели сказать, что именно получит годовой подписчик!

Опять не хватило места!

Но в следующем номере скажем обязательно.

Всего!

ОБИЖЕННЫЕ ГЕРОИ

(Плач экспедиции Амундсена).

Председатель римского о-ва покровительства животным явился к ген. Нобиле и **вручил золотую медаль его собачке Пипино**, летавшей на «Норвегии».

Из газет.

Грусть острее, жгучей стали.
Горе врезалось в умы.
— Мы страдали, мы летали!
Ведь открыли полюс мы!
Кто подобнейшее видел?
Как же тут волос не рвать!
Хоть опять лети, в обиде,
С горя полюс... закрывать!

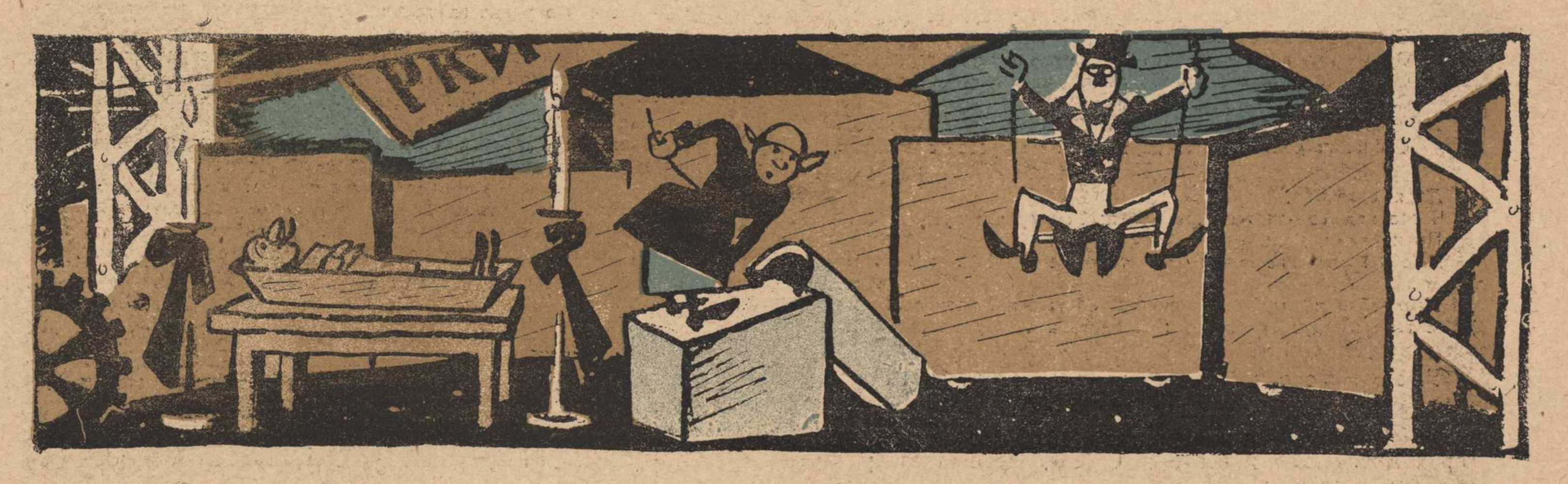
Вл. Иванов

БЫВШИЙ РЕВИЗОР, или ВОЛОСЫ ДЫБОМ

Мейерхольд приступил к переработке «Ревизора». Главным действующим лицом будет капитан.

Рисунки Н. Радлова

Текст Н. В. Гоголя и Ив. Пруткова

ПРОЛОГ.

Комната в доме городничего.

Явление I.

Гоголь, городничий и пр.

Гоголь. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет Мейерхольд.

Городничий. Как, Мейерхольд?

Аммос Федорович. }
Артемий Филиппович. } Как, Мейерхольд?

Гоголь. Мейерхольд из Москвы. И еще режиссер-постановщик.

Аммос Федорович. Вот-те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! Еще и постановщик!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы, право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, онюхали—и пошли прочь. Вот я вам...

Явление II.

Те же и Мейерхольд.

Мейерхольд. Вы говорите: две необыкновенные крысы? Онюхаги и пошли прочь? У меня не пойдут прочь! А это что за человек? (Указывает на Христиана Ивановича).

Гоголь. Это врач, Христиан Иванович. Он по русски ни слова не знает. Согласно моей ремарки, он «издает звук, отчасти похожий на букву «и» и несколько на «е». Второстепенный персонаж.

Мейерхольд (горячо Гоголю). Э! Что вы понимаете! А ну-же, Николай Васильевич, отодвиньтесь. Я начинаю!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Спальня Городничего.

Явление I.

Городничий на кровати.

Городничий (*храпит*). Фьить-су-у... фьють-су-у... (за сценой вальс «На сопках Манчжурии»).

Явление II.

Те же и две крысы.

Первая крыса. Камарадо! Онюхаем.

Вторая крыса. Онюхаем. Чем пахнет?

Первая крыса. Гоголем.

Явление III.

Те же и Христиан Иванович.

Обе крысы Уйдем. Он сейчас произнесет монолог, специально сочиненный Николаем Васильевичем Мейерхольдом. (*Убегают*).

Христиан Иванович. И... А... О... У... Е... Э...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Унтер-офицерская вдова и Слесарша.

Слесарша. Вот горе!

Вдова. А что такое, матушка?

Слесарша. Тут в «Ревизоре» должен быть Хлестаков, а его нету: сокращен Мейерхольдом. Кому жаловаться теперь?

Вдова. Послушай, тетка. А городничий-то оставлен, аль нет?

Слесарша. Сказывают, нет. Вот горе! Переделал мошенник, переделал всю пьесу—побей бог его и на том, и на этом свете! Чтобы ему, если тетка есть, то и тетке всякая пакость в посылках из за границы...

Вдова Ну, что-ж. Лайся, не лайся, а придется самой себя высечь...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Вдова сечет себя.

Вдова. Так тебе! Так тебе, чортова баба Не попадайся Мейерхольду. (За сценой—«Яблочко, куды котишься»...).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марья Антоновна. Ах!

Капитан. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Я думала, вы—Хлестаков...

Капитан. А я вовсе капитан. Але гоп! Занимайте местечко! (Сажает ее на колени. Поет: «Но капитан любезен был, в каюту пригласил»).

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна. Ах, какой пассаж!

Капитан. Никакой не пассаж, а так,—мелкая лавочка: «Прием пьес в ремонт и переделку». Садитесь-ка сюда, на свободное колено.

(*Сажает Анну Андреевну. Поет:*

„Три деревни, два села,
Восемь девок, один я!»).

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ.

Голос ямщика (*за сценой*). Эй, вы, залетные!

(*Колокольчик звенит; занавес опускается*).

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Явление I.

Те же и купцы.

Купцы. Слава Мейерхольду: городничего аннулировал в первом действии. Ругать нас некому.

Поднимается плакат. На плакате написано:

„Что, голубчики, как поживаете? Как товар идет ваш? Что, самоварники, метрошинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские, жаловаться? Что, много взяли? Где Хлестаков? Нету! Где городничий? Нету! Где Гоголь? Нету! Напрасно приперлись!"

Купцы. Не погуби, отец! Не виноваты мы, что Мейерхольд нас вывел, И сами не знаем, для чего?!

Поднимается новый плакат:

„Вот для чего: Купцы! Не забудьте, что срок выборки патентов истекает десятого числа. Будьте сознательными гражданами.—Платите уравнительный сбор".

ДЕЙСТВИЕ ВОСЬМОЕ.

Те же и те же. Кроме тех же—никого.

Те же. А мы, собственно, кто и что?

Те же вторые. Сказано: мы—те же.

Те же первые. Дак что ж нам делать?

Те же вторые. Ничего не поделаешь!

Те же первые. А у алжирского бея под носом шишка.

Те же вторые. Не трогайте шишки. Это из другой оперы. Мейерхольд обдумывает постановку шишки в новых конструкциях. Декорации заказаны.

ДЕЙСТВИЕ ДЕВЯТОЕ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДЕСЯТЬ ПО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Разнохарактерный дивертисмент. Декламация—Христиан Иванович, соло на балалайке—слуга Осип. Дуэт—Добчинский и Бобчинский и многие другие.

ДЕЙСТВИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Явление I.

Крыса первая. Онюхаем, камарадо.

Крыса вторая. Можно.

Крыса первая. Ну, что? Чем пахнет?

Крыса вторая. Чорт знает чем. Гоголем и не пахнет

Мейерхольд. Вот видите! Я же говорил!

Явление последнее.

Те же и повестка из Рабиса.

Повестка. Перевернувшийся в гробу Гоголь требует вас сейчас же к себе. Он остановился на Пречистенском бульваре.

НЕМАЯ СЦЕНА.

Мейерхольд посередине в виде столба с распростертыми руками и закинутою назад головою.

По правую сторону—крысы, с устремившимся к нему движеньем всего тела, за ними капитан

Мейерхольд (*придя в себя*). Ба! Этот памятник на Пречистенском у меня выскочил из головы. Но ничего: я и для памятника придумаю новую постановку.

И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЯЯ НЕМАЯ СЦЕНА.

Пречистенский бульвар. Памятник — Мейерхольд гоголем.

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

УФ! УФО!!

Шенкурский Уфинотдел (УФО) разослал по волисполкомам след. циркуляр:

— Уфо срочно предлагает дать нижеследующие сведения:
— Сумма дохода от сельского хозяйства.
— Сумма валового дохода от неземледельческих заработков.
— Сумма облагаемого дохода от неземледельческих заработков.
— Сколько всего облагаемого дохода.

На конце циркуляра с росчерком Сивкова сделана оговорка:

— Сведения должны быть даны к 1-му августа телеграфно.

(„Волна“).

Дали сведения.

Через неделю—та же телеграмма: Уфо срочно предлагает...

Поскрипели. Дали.

Еще через неделю—третья телеграмма: Уфо срочно предлагает...

Наскребли последние гроши на телеграмму. Дали сведения.

А теперь ждут со страхом: а вдруг в четвертый раз бабахнет телеграммку?

Уф! Уфо!!. В холодной губернии находится, а как в жар бросает?!

В ГОРАХ АЛТАЯ

В горах Алтая, как и везде в СССР, процветает режим экономии. «Сов Сибирь» рассказывает, как некий железнодорожный

Плюшкин на ст. Алтайской—узловом крупном пункте Алтайской линии сократил уборщицу и погрузил станцию в грязь. Он же на этой же станции сдал в аренду буфетчику пристанционный садик и гонит оттуда, на этом основании, ожидающих пассажиров.

А между тем, во имя режима экономии, следовало бы выгнать самого Плюшкина: сплошной накладной расход для дороги.

САМОВАРНЫЕ ГОЛОВЫ

«За что боролись?», восклицают члены тульского окружкома союза Связи и постановляют (протокол № 18)

„Нужна повседневная борьба с демократизмом, консерватизмом, ненужным формализмом и прочими видами косности.

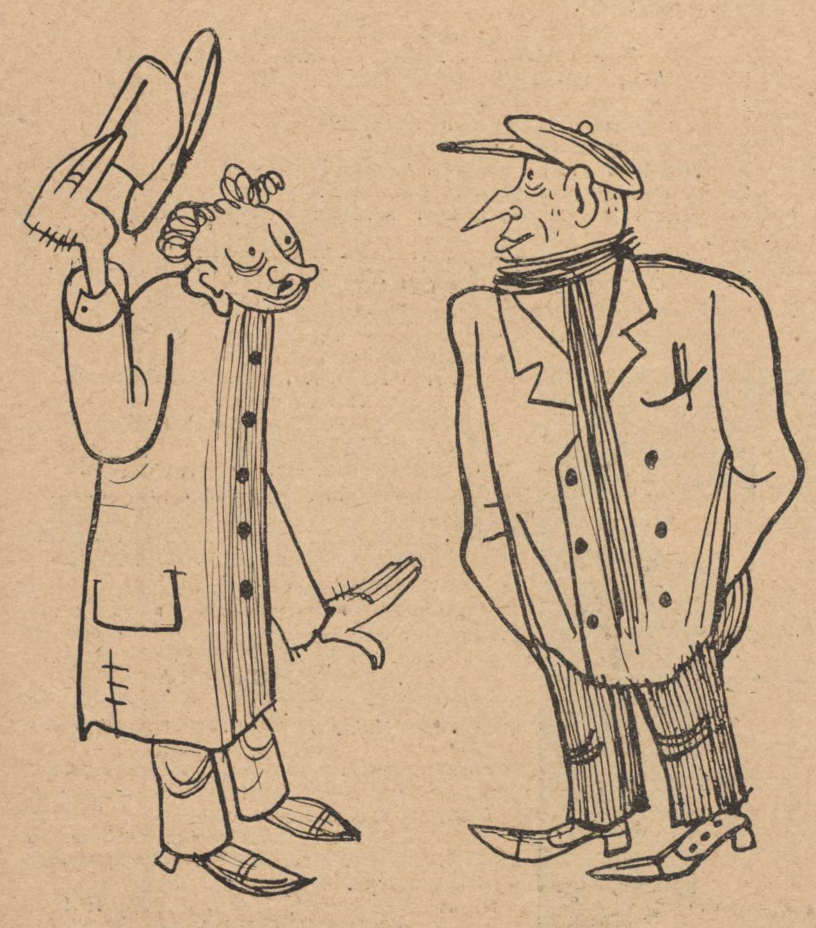
(„Коммунар“).

Передают, что вместо звонка, на этом заседании пред едатель ударял себя по лбу карандашом:—звон получался малиновый.

А мы не понимаем, почему в Туле самовары выделывают!.. Оказывается меди—сколько угодно...

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Рис. Б. М.

— Простите, не встречались-ли мы с вами в мануфактурной очереди? Мне ваша спина очень знакома.

ОПИУМ и СИВУХА

Тульский «Коммунар» рассказывает о том, как инспектор Губоно член о-ва «Безбожник» прибыл в село Сухотино.

Выбравшись из возка и расправив затекшие ноги, инспектор спросил у встречного мужика:

— Что это у вас за праздник?

— Престол,—ответил мужик.

— А ты знаешь, что религия—опиум?—рассердился инспектор, состоявший членом общества «Безбожник».

— Не вопиюм, а Успенье,—вразумительно поправил его мужик и пошел дальше.

Инспектор, подкрепившись у приятеля самогоном, направился на квартиру попа и открыл дискуссию. Диспут продолжался недолго, так как инспекторская голова под натиском самогона сдала и воинственный ответработник заснул мертвецким сном. В наказание поп с сыновьями на спине безбожника намалевали мелом внушительный крест и выволокли «мертвое тело» на улицу.

Так инспекторская Сивуха оказалась бессильной изжить поповский опиум.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

В Ленинградских газетах прочли мы такую рекламку: —

> **ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТРЕСТ ГОСТИНИЦ.**
>
> Открыты, после капитального ремонта, гостиницы: «**ЗНАМЕНСКАЯ**» (Лиговская, д. 43-45), **имеющая 146 номеров** и «**АНГЛЕТЕР**» (пр. Майорова, 10)—**92 номера. Комнаты отремонтированы заново, обмеблированы хорошей обстановкой и СНАБЖЕНЫ ЧИСТЫМ БЕЛЬЕМ.**

Скажите пожалуйста! А мы думали, что белье не менялось с 14-го года...

Рекомендуем тресту снабдить объявленице нижеследующим примечанием:

Количество насекомых не превышает нормы.

Водопровод и канализация во всякое время дня и ночи.

Все двери снабжены ручками. Кипяченая вода—по первому требованию.

Скромный мы народ и рекламироваться, как следует, не умеем.

МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

Ленинградская «Красная Газета» (веч. вып.) пишет:

Из 50 отчетов от Райсоюзов и потр. обществ, поступивших в Центросоюз, явствует, что директива СТО о снижении розничных цен на 10% проводится весьма слабо. Кооперация повышает розничные цены.

Не стесняйтесь, уважаемая! Лупите на чистоту: «Кооперация вопреки директиве и т. д. продолжает драть с покупателя восьмую шкуру».

Если стесняетесь, напишите хотя бы так:

Директива СТО о снижении цен не совсем точно понята кооперацией, расшифровавшей слово „снижение“ в смысле „повышения“. Тем не менее цыфра в 10% всемерно подавлена кооперацией, стремящейся поднять розничные цены в предуказанном ей размере.

И все будет ясно: кооперация обижаться не будет и читатель в дураках останется.

СТАРОДУБ ЭКОНОМИТ

Пишет «П. Правда»:—

Starод. Укомхоз, желая вымостить дорогу, решил, в целях экономии, не покупать булыжника, а разобрать всю мостовую на дворе... Укомхоза, где помещаются склады, кузница и электростанция. Через месяц на двор нельзя будет въехать из-за грязи.

Нечем дорогу мостить, говорите? А головы Стародубского Укомхоза на что? Любой булыжник переплюнут.

ТОСКА... ПЕЧАЛЬ...

Скучно стало членам владимирской санитарной комиссии Решили освежиться:—

Пошли в женскую баню. Ворвались в помещение, полное голых женщин, и, «осмотрев» 2 таза и пол, ушли, в полном сознании совершенного подвига.

(«П»).

Чего только не сделаешь со скуки? Можно, например, взять и разогнать владимирскую сан-комиссию.

ТРУБНЫЕ ЗВУКИ

Веселую заметку печатает Тифлисская «Заря Востока»:—

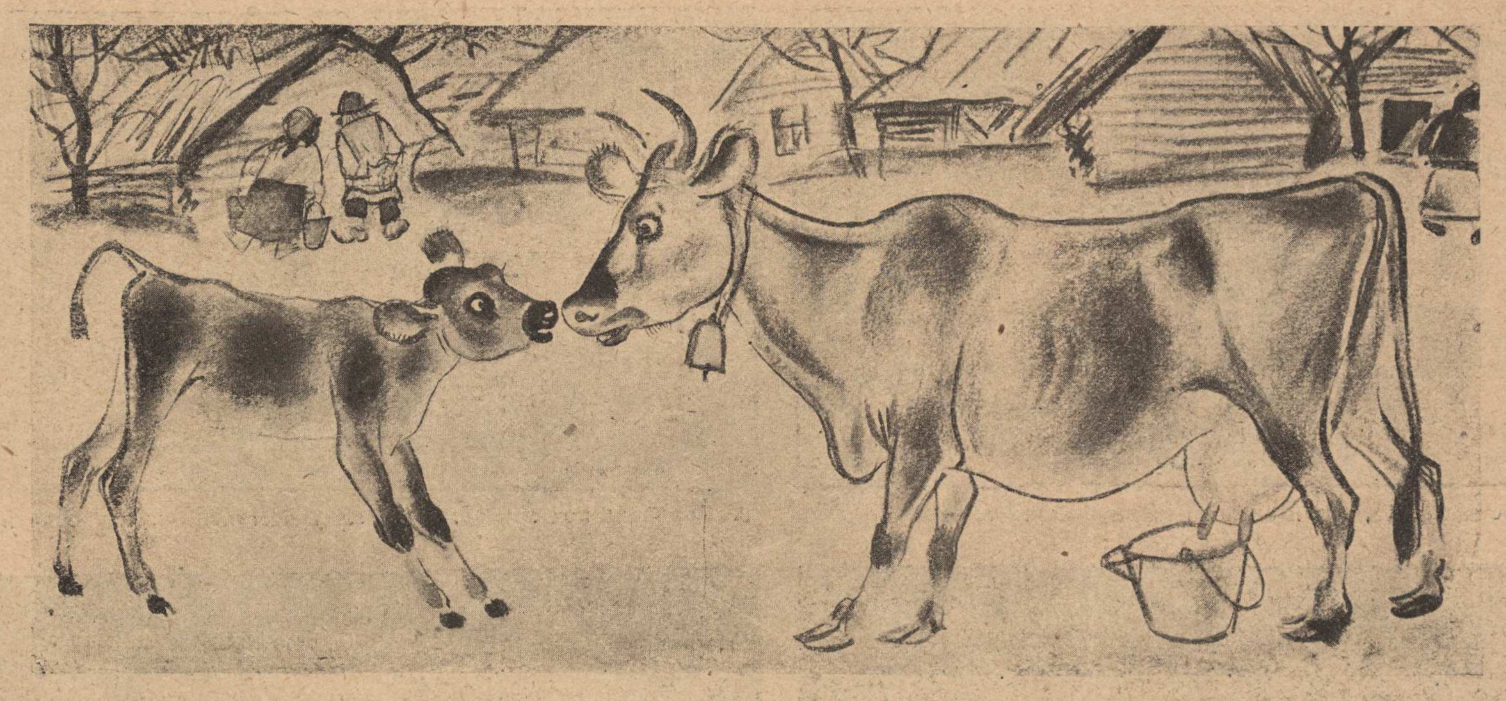
... Из Баку сообщают, что разрабатывается вопрос о создании *из беспризорных духовых оркестров.* Наркомпрос выясняет, какое количество детей может быть для этого выделено в АССР...

А как же режим экономии? Стоит ли сокращать уборщиц машинисток, чтобы, сэкономив трешку, ухлопать сотни на трубы для беспризорных?

Не проще ли приобрести одну трубу, в которую могли бы вылететь азербайджанские администраторы?

МАТЬ И ДИТЯ

Рис. К. Судакова

Теленок:—Мама! А ты молоком довоенного качества умеешь доиться?

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Посетив «пушкинские места», А. В. Луначарский заинтересовался «гигантской сосной», о которой отзывается следующим образом:

> «Патриарх лесов». И по площадке врываются в землю туловищами огромных удавов его пятисотлетние корни. Исполин был таким же большим и старым, когда Пушкин родился. Но время берет свое. **Дереву не было бы сноса.** Но оно больно.

«Дереву не было бы сноса».

Конечно, Анатолий Васильевич очень занят и редко имеет возможность уделять внимание природе.

Но «Смехач» напоминает Анатолию Васильевичу о том, что дерево—это такой предмет, которого надеть на ноги или на плечи неудобно.

Дерево—это такое высокое - высокое. Растет. Листья на нем еще имеются.

На ботинки и на пиджак совсем не похоже.

*

Очень интересен отзыв А. Мариенгофа о поэте Блоке:

> Блок понравился своею обыкновенностью. Он был бы очень хорош в советском департаменте, над синей канцелярской бумагой, над маленькими нечаянными радостями дня, над большими входящими и исходящими книгами.

Этот отзыв напоминает знаменитое суждение одного наборщика о Льве Толстом:

— Все кричат: Лев Толстой, Лев Толстой! А писать не умел. Одни каракули! Ничего не разобрать.. А вот был писатель: Василий Немирович-Данченко: ни одной тебе помарочки, буквочка в буквочку. Это я понимаю—писатель!

*

Поэт Ник. Асеев напечатал в „Известиях ЦИК“ (№ 209) стихотворение, разбив, по своему обыкновению, каждую «естественную» строчку стиха на 8 «искусственных».

Тут к тебе
все ластится,
и бояться нечего,—
голубые платьица
да припев кузнечика:
... эти
ни-ти
не тя-
ни-те,
эти ни-ти
не тя-ни...

Мы тоже слушали «припев» кузнечика и находим, что Н. Асеев передал этот припев не совсем верно.

Кузнечик—он «поет» членораздельно, не в пример Н. Асееву.

*

В «Красной Панораме» (№ 37) Мак восторженно описывает пароход «Кап-Полонио», приплывший из стран заморских в туманный Ленинград:

> В столовой I класса ко второму завтраку собралось несколько десятков пассажиров. Официанты **в белых одеждах** (!) стоят за каждым завтракающим.

Но оказывается—«в белых одеждах» на «Кап-Полонио» не одни официанты:

> Каменный пол блестит. Лестницы сияют. Оголенные стальные части ослепляют. Машинисты и **кочегары—в белых одеждах.**

Для полноты картины Маку следовало бы приписать еще одну деталь:

«На внутренних стенках труб—сажа. Вся—белая».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

75. Москва, Н. М-чук-у. «Гожусь ли я и в качестве кого—каррикатуриста или рассказчика?».

Трудный вопрос. Рисуете вы хуже, чем пишете. А пишете еще хуже, чем рисуете!

76. Воронеж, С. Вер. Экспромт:

В этом обществе шумном, игривом
Мне экспромт предлагают сказать...
Но сперва я кивком молчаливым
Благодарность вам должен воздать
За ту честь, что сегодня решили
Меня вы как поэта избрать...
Но, позвольте, вы разве забыли
Что стихи не легко сочинять.

Оно и видно, что не легко. И зачем только вас избрали?!

Во всяком случае, мы голосуем против избрания.

77. Нижнеднепровск, Панкраше Акушеркину.

Что это вы придумали, Панкраша?

В N делегации немецкой ждали.
Перрон *завален* был толпой?

Зачем обижаете толпу? Нешто она сор?

78. Владивосток, M. S. Pixankoff-Nikitin. Nepo dchdit: ploho.

79. Тифлис Бел. Смешного захотели? Попросите соседа показать вам палец. Некоторых умных людей это смешит до слез.

80. Краснодар, Гезу «Ответ прошу в почтовом ящике не помещать».

Хорошо, не поместим.

81. Москва, А. Грузовой. «Препровождая при сем свое стихотворение, очень прошу редакцию поместить его в ближайшем журнале».

Ближайший для нас журнал — «Смехач», но для ваших стишков он очень далек.

82. Закавказье, Акстафа, Т. Алекс. Потешная мелочишка!

> «*Ученик:* Хорошо учитель вы сказали, что в акулы холодная кровь, потому что она плавает в океане. А какая будет в Антанты кровь? Она подобно этому плавает!»

Ей богу, не знаем. Спросите в Антанты.

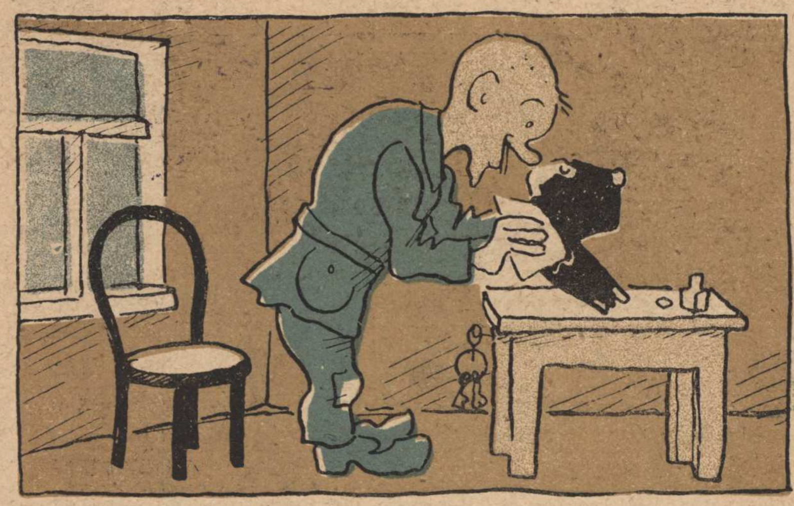
Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор **А. С. Андрейчик.**

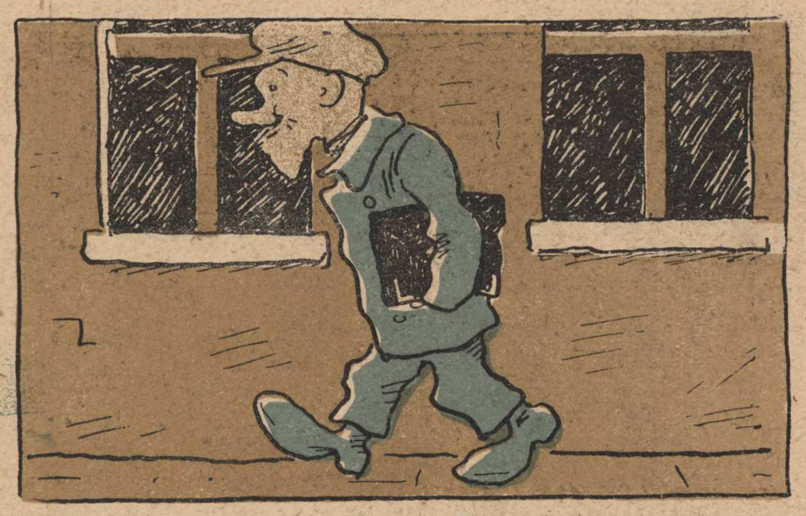
Ленинградский Гублит № 21761. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. «Изд-ва Лен. Правда» Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 4316. Тираж 80.000

ЧЕРНИЛЬНАЯ ДУША

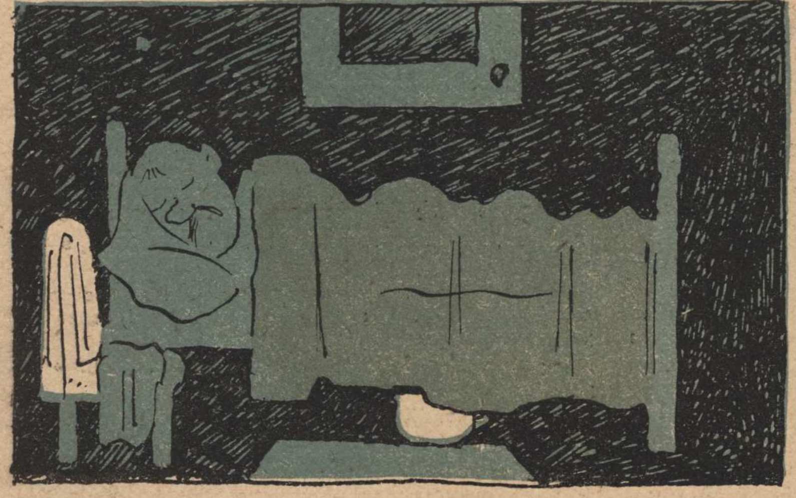
ис. Н. Радлова.

1. Кончил дело, гуляй смело! Бумаги в портфель,—

2. Портфель под мышку. И пошел Трясогузкин из канцелярии домой.

3. Дома, конечно, покушал, чайку попил и на боковую.

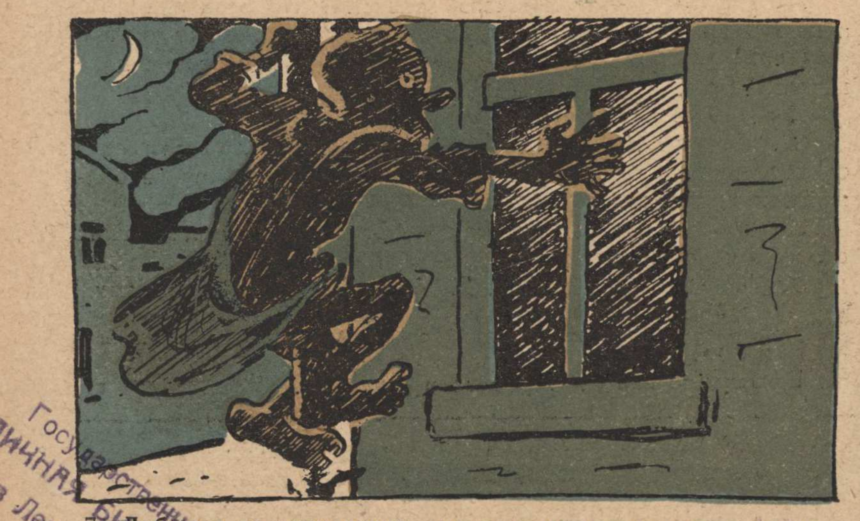
4. И вдруг — среди ночи ужасная мысль, гвоздем в голову... Вскочил Трясогузкин.

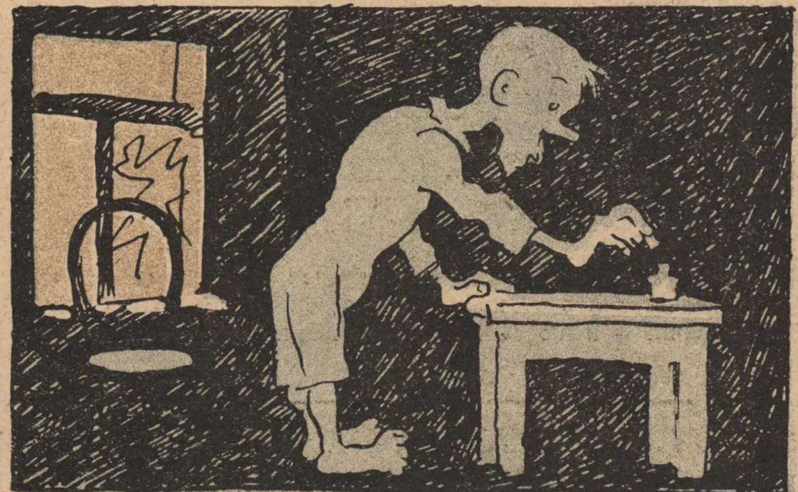
5. и ну бежать.
— Господи!—думает:—не опоздать бы...

6. Бежит Трясогузкин—только пятки сверкают. И душа, между прочим, в пятках болтается: долго-ли окончательно обронить от страху!

7. Добежал до канцелярии, а она, конечно, на з мке, по случаю ночного времени. Полез сквозь окошко...

8. И вот Трясогузкин в канцелярии. Вот стол. Вот... чернильница. Так и есть: открыта и чернила (о, ужас!) испаряются. А между тем приказ правления Госмедторгпрома „предлагает всем сотрудникам перед уходом обязательно прикрывать чернильницы, дабы не высыхали чернила“.

Прикрыл, конечно. Лучше поздно, чем никогда.